

Мета Зубин

4.11.03.

Росси'я. -2003.- 4 нояб. -с.8

Без суеты и догматизма

Ян Смирницкий

Попробуй напустить на себя «профессиональное хладнокровие», чтобы достойно написать о двух сумасшедших концертах итальянского дирижера индийского происхождения Зубина Меты в Большом зале консерватории! Это воистину лучшие часы жизни для всех, кто попал на вечера симфонического оркестра Maggio Musicale Fiorentino, открывших дни первого Фестиваля культуры Италии в России.

В первый вечер маэстро предложил нам свою интерпретацию двух произведений: «Шехеразаду» Римского-Корсакова и «Весну священную» Игоря Стравинского. Редкий случай для консерватории: в зале гасили свет. Отдавая должное традиции «театрального разезда», скажу, что московская публика осталась без ума от «Шехеразады», но с «Весны священной» ушла с более сложным чувством. Хотя на аплодисментах это не отразилось: уже уставшего дирижера просто вынудили на два полноценных биса!

Вдохновившись историями, рассказанными Шехераздой за тысячу и одну ночь, Николай Андреевич Римский-Корсаков в 1888 году чуть более чем за месяц написал свою 4-частную симфоническую поэму буквально на одном нерве. В 50-е годы XX века египетское радио вставляло «Шехеразаду» как сопровождение к голосу сказочника, и никто никогда не усмотрел несоответствия между арабской фактурой и произведением русского композитора, хотя в нем нет ни одной подлинно восточной мелодии.

Солировал на скрипке при едва слышном аккомпанементе арфы Иезекиль Иерушала-

ми, он вел основную тему через «Море и Синдбадов корабль», через речи одноглазого календера (бродячего монаха), через «Багдадский праздник» и разбивающийся о скалу корабль. Музыковед Анатолий Соловцов однажды так отозвался о «Шехеразде»: «Это выходит за пределы звукописного мастерства. Вся музыка сюиты полна подлинной поэзии, которая пребывает в полной гармонии с благородной идеей композитора — выражением через музыку народной мудрости...» Эти слова, лишённые суеты и догма-

тизма, мое поколение по праву передает прославленному Зубину Мете и его оркестру.

А что до «Весны», скажу не лукавя, что Мета исполнил ее «правильно», так, как мы уже отвыкли ее слушать. Он подал «Весну» по-стравински экспериментально. Столичные почитатели автора «Петрушки» в его чистом виде от интерпретации Меты были в восторге. Да, много металла, много мирсотворяющего шума-хаоса, но никто не ставил целью публику обаять, приласкать. Мета остался жесток, принципиален, не стал разба-

влять Стравинского в угоду слушателю неуместной здесь игрой в «душевность» и «мелодичность». Разумеется, не все это оценили.

На втором вечере царили Бетховен с его Третьей «Героической» и Первая симфония до-минор Брамса. Что блестяще получается у Maggio Musicale, так это превосходные солирующие партии, скажем, фагота и в «Шехеразде», и в «Героической». Целое событие, смертельный трюк! Музыкальный лоск в хорошем смысле слова, этакая игра в удовольствие, на кото-

рое, возможно, и сам композитор-то не рассчитывал.

О Брамсе вообще умолчу, тут в самом деле уверуешь в переселение душ, а вот «Героическую» Бетховена Мета дал весьма своеобразно. На мой взгляд, определяющая часть в симфонии — это ее «Траурный марш», ведь тогда, в начале XIX века, жанр funebre едва-едва стал складываться. Потом уже будут Шопен и Лист, но Бетховен вслед за Госсексом только торил дорожку к теме скорби, лишенной церковного пафоса былых лет. Однако итальян-

ский темперамент Меты определил Марш со значительной долей остроты и шутливости, почти маскарада, правда, без малеровского гротеска, а следующую часть — Скерцо — погрузил в интонации вечного, дантовского грустного созерцания.

Такое никогда не забудется. Москва наконец воочию узрела небывалую ценность Центра оперного пения Галины Вишневской, пригласившего Мету в Москву, да и вообще организовавшего львиную часть итальянского фестиваля. Bravo!

Фото REUTERS